

МЕТОДЫ ВЫСТРАИВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ МЕЖКОММУНИКАЦИОННОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С МУСУЛЬМАНАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Научная статья

Блейх Н.О.^{1*}, Магомедов А.А.²¹ ORCID : 0000-0002-6715-9185;^{1,2} Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (nadezhda-blejkh[at]mail.ru)

Аннотация

В публикации анализируются технологии выстраивания межкультурного диалога Российской Империи в отношении мусульман, проживающих на Северном Кавказе в период начального взаимодействия с ними. *Научная новизна работы* состоит в комплексном анализе социокультурной политики и ее значении для общественно-политической и духовной жизни горцев, исповедующих ислам на основе впервые вводимых в научный оборот материалов. *Делаются выводы* о том, что уже начиная с XIX столетия при содействии российских законов Империя стала укреплять свои позиции, выкристаллизовывая созидательный для российской державности потенциал. Она старалась уважительно относиться к исламским традиционным институтам, благодаря чему постепенно консолидировала своё положение в Северокавказском регионе. *Практическая значимость* видится в историческом опыте российского государства, которое два века тому назад стало выстраивать в отношении ислама взвешенную конфессиональную политику. Представленные в тексте материалы могут внести определенный вклад в информативное обеспечение подготовки проектов, направленных на социокультурное развитие мусульман многонациональной России.

Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, конфессиональная политика, мусульманские народы, межкультурное взаимодействие, веротерпимость.

METHODS OF INTER-COMMUNICATION INTERACTION BETWEEN THE RUSSIAN EMPIRE AND MUSLIMS
OF THE NORTH CAUCASUS (FIRST HALF OF THE XIXTH CENTURY)

Research article

Bleikh N.O.^{1*}, Magometov A.A.²¹ ORCID : 0000-0002-6715-9185;^{1,2} North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russian Federation

* Corresponding author (nadezhda-blejkh[at]mail.ru)

Abstract

The publication *analyses* the technologies of inter-communicative dialogue of the Russian Empire in relation to Muslims living in the North Caucasus during the period of initial interaction with them. *The scientific novelty* of the work consists in a comprehensive analysis of socio-cultural policy and its significance for the socio-political and spiritual life of the highlanders who profess Islam on the basis of the materials introduced into scientific circulation for the first time. *The conclusions are made* that already since the XIX century, with the assistance of Russian laws, the Empire began to strengthen its positions, and to crystallize the potential that was creative for Russian power. It tried to respect Islamic traditional institutions, due to which it gradually consolidated its position in the North Caucasus region. *The practical significance* is seen in the historical experience of the Russian state, which two centuries ago began to build a balanced confessional policy towards Islam. The materials presented in the text can make a certain contribution to informing the preparation of projects aimed at the socio-cultural development of Muslims in multinational Russia.

Keywords: Russia, North Caucasus, confessional policy, Muslim peoples, intercommunication interaction, religious tolerance.

Введение

Ислам в России на протяжении уже многих столетий играет большую роль как в области внешнеполитических отношений с мусульманским миром, насчитывающим к 2023 г. более 2 миллиардов человек, так и в сфере внутривосточных связей (в нашей стране сегодня свыше 40 этнических групп численностью от 15 до 20 миллионов исповедуют ислам, подавляющее большинство из них проживает в регионах Поволжья, Урала, Северного Кавказа, Москвы, Санкт-Петербурга и Западной Сибири) [13, С. 16-21]. Становится ясно, что в этих областях без учета исламского элемента не обходится решение ни одной политической или социальной проблемы. Особенно это заметно в многонациональном Северном Кавказе.

Современные тенденции, происходящие в духовно-нравственной сфере, являются отражением процессов, начавшихся в далеком прошлом, во времена появления Российской империи в Северокавказском регионе. Они вновь заставляют нас обращаться к истории взаимоотношений русского и горских народов, анализировать методы создания межнационального диалога, одним из компонентов которого стал религиозный фактор.

В результате выстраиваемой Российской державой в первой половине XIX столетия политики веротерпимости, горские этносы поверили государству и встали под его знамёна. Это взаимодействие наложило отпечаток на все стороны социальной жизни автохтонного населения, в большинстве своем исповедующего ислам.

И сегодня мусульманское мировоззрение остается не просто религией, а являет собой мощный фактор передачи социально-культурного опыта и организационно-интегративных элементов, аккумулирующих в себе

конфессиональные знания и традиции предыдущих поколений. Поэтому нынешняя Россия должна взять на вооружение многовековую практику выстраивания добрососедского проживания горских этносов, отличающихся как по характеру социального устройства, так и по историческому наследию, особенно в наше сложное время, когда всем гражданам страны надо сплотиться вследствие значительно возросшей внешней угрозы и других негативных факторов, связанных с санкциями. В этом состоит актуальность и научная ценность настоящей статьи.

Методы и принципы исследования

При исследовании темы были задействованы следующие методы исторического исследования: историко-хронологический, проблемно-системный, ретроспективный. При этом все факты, события представлены целесообразно конкретной исторической обстановки, в их корреляции и специфике социально-политической ситуации первой половины XIX столетия, имеющейся в Северокавказском регионе.

Данная работа построена на диалектическом принципе изучения исторического процесса, позволяющего все исторические факты рассматривать комплексно, в контексте конкретной социально-политической действительности, раскрывающей мотивы деяний исторических личностей и принципе научной объективности, предполагающего опору на информативность и факты в их взаимодействии, которая учитывает как их положительные, так и негативные стороны.

Обсуждение

Северный Кавказ с давних пор являлся многонациональным и поликонфессиональным регионом, в котором счастливо уживались представители различных религиозных верований. Если в России начала XIX столетия абсолютное большинство населения исповедовало православие, а ислам занимал вторую позицию, то на Северном Кавказе (особенно в его национальных областях) доминировала мусульманская вера. И потому российские власти, готовясь присоединить горский край и принять в подданство его многочисленные народы, не могли не учитывать местных особенностей вероисповедания и сообразно этому учились выстраивать свою политику мирного сосуществования, считая конфессиональный фактор базисным в отношениях с кавказскими автохтонами для которых понятия национальной и религиозной принадлежности являлись синонимичными. В связи с чем российским чиновникам в обязательном порядке приходилось принимать во внимание как национальное самосознание горцев, так и их религиозные настроения.

Самая сложная задача для Империи состояла в примирении исламской религии с православной государственностью. В начале XIX в. здесь произошло столкновение двух идеологий – российской (европейско-христианской) и исламской (восточно-магометанской), насаждаемой имамом Шамилём. Несмотря на свою противоположность, эти две доктринальные концепции имели единый вектор, заключавшийся в ломке традиционных устоев горского изоляционизма, внедряя правила жизни в системе государства. Однако в отличие от Шамиля у России имелся опыт конфессионального строительства, начавшийся еще в веке XVIII.

Первым, кто обратил внимание на иноверцев-мусульман был Пётр Великий (1672— 1725 гг.), поручивший русскому ученому, доктору медицины и философии Петру Постникову (1666—1703 гг.) в 1716 г. перевести Коран. Выбор был не случаен. Сын дипломата Василия Тимофеевича Постникова, он окончил Славяно-греко-латинскую академию, изучил медицину в Падуанском университете, служил при петровском дворе переводчиком и дипломатом, хорошо владел английским и французским языками. Именно последний был задействован при переводе Корана, сделанного в 1697 г. французом Андрэ дю Рие.

Через 6 лет (1722 г.) в русском государстве вышел первый научный анализ Корана «Книга система или состояние Мухаммеданския религии», проведенный известным государственным и научным деятелем Дмитрием Кантемиром (1673 – 1723 гг.) [5, с. 24]. Интересна судьба этого человека, родившегося в селе Силиштень в семье молдавского государя Константина, являющегося наследником крымско-татарского рода Кантемиров. Знатное происхождение помогло получить Дмитрию хорошее образование (в совершенстве владел турецким, персидским и арабским языками, увлекался музыкой, литературой, философией). Занимал посты князя Молдавского княжества (1693, 1710-1711), Светлейшего князя России (1711), российского сенатора (1721) и тайного советника (1722). Не случаен был выбор Петром его кандидатуры. Дмитрий был другом российского императора, а во время Персидского похода (1722) заведовал канцелярией и разрабатывал манифесты и обращения к жителям Персии. Поэтому Петр I доверил ему сделать анализ Священной книги, которым пользовались не только русские ученые, но и ученые западных стран.

Однако дальше переводов Корана дело не пошло. Ни сам Петр, ни его последователи (жена Екатерина I (1725 – 1727), внук Петр II (1727 – 1730), Анна Иоанновна (1730 – 1740), Елизавета Петровна (1741 – 1761), Петр III Федорович (1761 – 1762), правя страной, не особо заботились о судьбе мусульман, считая их «неблагонадежными», притесняя налогами и заставляя насильно принимать христианство. Такая политика была изменена только при Екатерине II (1729 – 1796 гг.), которая официально провозгласила веротерпимость к «иностранцам» документально зафиксировав это в своём «Наказе» (1773), где говорилось о позиции государства по отношению к религиям, которые «нельзя запрещать и необходимо относиться к ним бережно» [12, Л. 4-5].

После разгрома и аннексии Крымского ханства (1783 г.) долгие годы держащего в страхе южные оконечности государства и пытавшегося с помощью Турции контролировать Северный Кавказ, у Екатерины оказались «развязаны руки» и она более активно стала проявлять интерес к его территориям, являвшихся важными торговыми путями, и где по рассказам путешественников и самих горцев, прежде всего, кабардинцев (принявших подданство России еще в 1557 г. при Иване Грозном), существовали «несметные залежи рудных ископаемых и много племен говорящих на разных языках». К тому же седой Кавказ располагался в выгодном стратегическом положении: находился между Севером и Югом, стоял неизменным стражем между Европой и Азией. И у императрицы возникло желание расширить границы державы, т.е. прирасти землями, тем более что Петр I уже приложил к этому усилие - покорил Азов – предбрюшье Кавказа.

Для начала с целью защиты российских границ от османов была выстроена Азово-Моздокская линия (1777 г.). На ней по примеру построения крепости Терки, когда-то располагавшейся в устье Терека (1588 г.), стали возводить

крепости Кизляр (1735 г.), Моздок (1763 г.), Георгиевск (1777 г.), Ставрополь (1777 г.), Владикавказ (1784 г.), Грозную (1818 г.) со временем превратившиеся в крупные населенные пункты. Рядом с русскими в них селились и горцы, которые нуждались в военной защите как от внешних (Турция, Иран), так и от внутренних (набеги соседних племен) посягательств. Надеясь на русскую силу, они не раз отправляли своих послов в Санкт-Петербург с заверениями о преданности. Империя поверила им и приняла под свою руку осетин (1774 г.), ингушей (1767 г.), чеченцев (1779 г.). С этого момента у кавказцев создались условия для социо-экономического развития, а у державы – выход к Закавказью и Азии, подчинение большого количества территорий с теплым климатом, людским потенциалом и природными богатствами. К тому же благоприятное географическое и геостратегическое расположение Кавказа несло и политическую выгоду – чем большими землями располагала страна, тем значительнее с ней считалось мировое комьюнити.

Несмотря на то, что Екатерина понимала значимость проведения реформ, до третьей четверти XVIII в. законов, регламентирующих жизнь и деятельность мусульман Северного Кавказа, не было. Конкретно исламский вопрос был затронут при утверждении в 1786 г. Кавказского наместничества, где «Самодержица расейская» обратила внимание на необходимость выстраивания добрых отношений «с насельниками края».

Через 16 лет в 1802 г. применительно к адыгам и осетинам, которые «учиняли бунт» недовольные политикой российских чиновников, внук Екатерины Великой Александр I (1801 – 1825) самолично определит причины смуты и, руководствуясь нарративами своей знаменитой бабушки, укажет на способы усмирения кавказцев: «...Не единою силою оружия предложит победить народы, в неприступных горах живущие и имеющие надежные в оных от войск наших убежища, но паче правосудием и справедливостью нужно приобрести их к себе доверенность, кротостию смягчать нравы, выигрывать сердца и приучать их более обращаться с русскими...» [4, С. 292].

Этот документ свидетельствует о признании за кабардинцами права на исламскую религию, но считая их «народом с дикими нравами, не имеющим своей морали». В связи с чем императорское разрешение на исламское вероисповедание было скорее вынужденной мерой, чем личным убеждением правителя, который веру начинает использовать как инструмент воздействия имперской власти на кавказские этнические общества с целью их социализации.

Архивные материалы описываемого времени также подтверждают сведения о лояльности российских властей к мусульманской вере. Так, путешественники, побывавшие на Кавказе, описывая «благомыслие» русских властей по отношению к горцам и их вере, утверждали, что «русские на Кавказе занимались строительством мечетей и помогали поставлять мулл и проч.» [12, Л. 5-16].

Несмотря на то, что либеральная установка официально провозглашала принцип религиозной веротерпимости и декларировала ее неоспоримое осуществление русское правительство не доверяло полностью иноверцам, поэтому оно стремилось тотально контролировать все исламские институты. Как пример рассмотрим историю создания Главного управления духовных дел иностранных исповеданий (ГУДДИИ).

Идею о необходимости надзора за нехристианскими религиями впервые высказал президент Императорской академии наук, граф Н.Н. Новосильцев (1761–1838 гг.) [8, Л. 1 об.]. Однако его проект о создании «министерства всех вер и религий, исключая православного греко-кафолического исповедания» был отклонен, но тема, затронутая им, не была забыта. Следующим, кто ее вновь поднял, был М.М. Сперанский (1772 – 1839 гг.), видный государственный деятель, являвшийся на тот момент статс-секретарем. В своем проекте «Введение к уложению государственных законов» он представил концепцию «особенного департамента под руководством обер-прокурора Синода, которому дела духовные различных исповеданий надлежит рассматривать» (1809) [10, С. 706]. Но и эта инициатива не была реализована, тем не менее при учреждении в 1810 г. ГУДДИИ основная суть её все-таки сохранилась.

Руководство новым органом поручили князю А.Н. Голицыну, бывшему обер-прокурором Синода [9, С. 278-280]. Первоначально в составе ГУДДИИ находилось 5 отделений, одно из которых разрабатывало указы для мусульман. Известно, что в нём трудились известные эксперты-исламоведы, одним из которых был дагестанский просветитель Казем-Бек [1, С. 19-26]. В ведении Департамента находилось заведение конфессиональными округами (учреждение новых духовных должностей, устройство учебных заведений и богоугодных храмов, контроль за ними и т.д.).

По прошествии 7 лет в 1817 г. ГУДДИИ был реорганизован в Министерство духовных дел и народного просвещения (МДДНП). Причинами объединения двух ведомств стало не только упрощение управления и сокращение расходов, но и идеологические доводы, строящиеся на тесной связи религии, олицетворяющую нравственность, с образованием. Однако в объединенном виде этот орган просуществовал сравнительно недолго. В 1824 г. министерство было расформировано. Дела мусульманские вновь реверсировались в управление обер-прокурора Синода, которым стал министр народного просвещения А.С. Шишков (1754—1841 гг.). При его содействии началось активное искоренение тайной крамолы путём ужесточения цензуры особенно в мусульманских районах [14, Л. 23].

После 1832 г. дела иностранных исповеданий были делегированы Министерству внутренних дел, которое, продолжив курс на веротерпимость еще более ужесточило надзор над иноверцами, одновременно с тем порекомендовав российским чиновникам на Северном Кавказе найти подход к мусульманским народам. Наиболее наглядным примером такой двойственной политики является деятельность русского ген. А.П. Ермолова (1777—1861 гг.). В своем проекте по усмирению горских народов в 1833 г. он предлагал:

«1. Обеспечить за правительством средства контроля и надзора за деятельностью лиц, коих их религиозные верования зачастую ставят в конфронтационные к нему отношения.

2. Противостоять укреплению сплоченности в среде горских сословий.

3. Воспрепятствовать проникновению различных духовных эмиссаров из Ирана и Турции с миссионерскими миссиями.

4. Ограничить по случаю круг влияния духовной знати в среде магометанского населения, не покушаясь при этом на его религиозную идеологию.

5. Поставить наиболее влиятельную часть духовенства в непосредственное подчинение от правительства.

6. Создать, насколько возможно, надзор за духовными школами и училищами.

7. Выяснить наличие духовного имущества, используемого на поддержание заграничного священства» [11, Л. 4-5].

Однако несмотря на прописанные в документе «строгости» сам Алексей Петрович следовал заветам лояльности. Он выделял деньги на строительство мечетей и мектебе. Так, в ауле Герменчук до сих пор функционирует большая мечеть, построенная на ермоловские деньги.

Как видим, в правительственных кругах и у чиновников методами конфессионального взаимодействия становился «кнут и пряник», однако свобода на вероисповедание не нарушалась. О том не раз упоминал и начальник Кавказской линии, соратник А.П. Ермолова, ген.-лейт. А.А. Вельяминов (1785—1838 гг.): «...покорным горцам предоставляется совершенная свобода следовать Магометанской или другой какой-либо вере. Никто не должен принуждать их к перемене веры или делать за веру какие-нибудь притеснения при полном контроле со стороны российского военного начальства» [3, С. 17]. Одновременно с этим Алексей Александрович призывал чиновников «все духовенство содержать в суровости, дабы они не замысливали прегрешений супротив российских властей» [3, С. 18].

Вместе «с кнутом», духовные элиты рекомендовалось задабривать различными подачками, как-то: награждать подарками, дарить селения и земли. А на государственном уровне царь Александр I поручил «дать упомянутому духовенству такое устройство, которое могло бы, с одной стороны, внушить местным жителям убеждение, что правительство не имеет в виду посягать на их религиозные верования, а с другой – предоставить власти возможность надзора за духовными лицами, а также поставить последних в зависимость от правительства» [7, С. 242].

Наравне с этим монарх поручил Сенату разработать законопроект о легитимации правовой модальности мусульманских элит. После долгих прений между государственными деятелями таковой был создан и включил в себя следующие установления:

«- право почетных сословий мусульман Северного Кавказа отсылать своих детей в кадетские корпуса. Об этом говорилось в Указе 1834 года;

- право священнослужителя военной крепости Анапа на государственный кошт. В довершении к работающей в крепости аманатской школе, власти разрешили построить на ее территории мечеть, в которой и должен был служить мулла;

- право кавказских горцев на мусульманское вероисповедание при прохождении курса обучения в российских военных образовательных заведениях. Для этого были изданы «Правила для обучения горцев». Согласно им воспитанникам-мусульманам для совершения таинств и обрядов представлялся мулла;

- разрешение военнослужащим мусульманам на получение лекаря и муллы для Дагестанского конно-иррегулярного полка по указу от 1850 года. Эти люди определялись «лицами аварского племени, известными стараниями и преданностью Престолу»» [6, С. 111, 132, 150-151, 262].

Как положительный факт отметим введение закона на судебную деятельность, по которому все наследственные и бракоразводные дела совершались в Горских народных судах по шариатским нормам, но только с поправками, направленными на смягчение наказаний. Вместо кровной мести за убийство или нанесение тяжких увечий стало применяться тюремное заключение. Этот закон знаменовал собой органичное сосуществование государственных и локальных структур и призван был минимизировать жесткую установку державной практики в крае, направленную на централизацию.

Как видим, Российская империя старалась своими лояльными законами выстраивать дружеские отношения с «инаковерными» жителями Северного Кавказа. Отметим также, что и в ходе кавказской войны, главным лозунгом которой стала «борьба за веру», Империя не меняла своего почтительного отношения к исламу. На этот факт обращали внимание причем и западные исследователи Кавказа. Так, известный американский русофоб М. Хаммер в своей работе «Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan», вынужден был признать: «...даже в ходе ожесточенных сражений мечети оберегались русскими войсками» [16, С. 112].

Размышлял о русско-кавказском взаимодействии и американец Дэвид Соркин. В своей монографии «The Religious Enlightenment: Protestants, Jews and Catholics from London to Vienna» [15] он связывал его с религиозным просвещением и отмечал позитивную роль России в этом направлении. Скажем и мы несколько слов о просветительской деятельности Державы, которая образование считала мощным фактором межнациональной коммуникации проводя политику лояльности к существующей системе исламского образования, представленной мектебе и медресе.

Как известно, мектебе с давних пор функционировали при мечетях, затем с приходом России для них стали строить отдельные здания. Процедура их открытия была простой. Для этого необходимо было желание местного прихода, наличие учителя и учеников. Официального разрешения от властей не требовалось. Поэтому мектебе существовали в каждом ауле. Администрация в их деятельность обычно не вмешивалась и финансировались они за счет народного кошта.

Медресе являлись учебными учреждениями более высшей ступени, чем мектебе, поэтому существовали только в крупных городах или у наиболее почитаемых мударрис (учителей), которые специализировались на какой-то одном направлении (например, богословии, исламском праве, шариате и т.д.). Медресе также были не подвластны государственному «пригляду». Недостатком многих таких школ был кадровый состав, т.к. некоторые учителя являлись эмиссарами из восточных стран и потому, отстаивая интересы Турции и других недружественных стран, стремились использовать исламский фактор для продвижения идей, не отвечавшим интересам России. И хоть российские чиновники не вмешивались в дела медресе, не закрывали их, ко второй половине XIX столетия эти учебные заведения перестали пользоваться поддержкой населения, которое все больше стало доверять казенным (государственным) российским школам.

В противовес злым нападкам некоторых представителей мусульманского духовенства, пугающего «карами небесными» своих прихожан за поддержку российского образования, последние видели, что в государственных школах учебный процесс действительно был направлен на развитие детей. В них основной упор делался на обучение основам духовного вероучения, вместе с тем давались элементарные знания по арифметике, русскому, чтению. Изучался и родной язык.

Для обеспечения учебного процесса стали печататься учебники, методические пособия. Власти разрешили переводить богословскую литературу на русский и другие горские языки. На начальном этапе своего существования учителей в школах не хватало, поэтому обучение велось местными муллами. За казенными школами проводился контроль. Наиболее подробно о специфике мусульманского образования изложено в нашей статье с одноименным названием [2, С. 67-74].

Таким образом, мы видим, что Российская держава, распространяя свое влияние на кавказское население в национальных округах задействовала разные методы коммуникации – от «кнута» (ущемление прав собственности духовной аристократии, временное запрещение хаджа в Мекку, подавление народных протестов) до «пряника» (беспрепятственное отправление богослужбных таинств, заигрывание с местной духовной элитой, свободное религиозное обучение), что отразилось на ее политике, в которой столь «удачно» ужились такие несовместимые концепции, как свобода веры и контроль над ней. Это является свидетельством того, как проводимая на протяжении указанного периода конфессиональная стратегия в мусульманских районах Северного Кавказа коррелировала с существовавшей исторической обстановкой.

Заключение

Отметим, что начиная с XIX столетия при содействии российских законов Империя стала усиливать свои позиции в Северокавказском крае, выкристаллизовывая созидательный для российской державности потенциал в отличие от получившего воплощение в имамате Шамиля исламского варианта модернизационного проекта. Несмотря на то, что последний возник из недр горского общества, российский конфессиональный сценарий для автохтонов оказался предпочтительнее. Тогда как мусульманские традиционалисты суровыми методами подавляли у соплеменников инакомыслие, жестко регламентировав все их стороны жизни, Империя старалась уважительно относиться к исламским институтам. Укрепление исламского вероучения предпринималось с целью пробуждения гражданственности и нравственности у «населенников края». В результате чего постепенно возрастал авторитет самой религии, способствовавший консолидации горских национальных обществ. Так благодаря взвешенной межконфессиональной коммуникации российское государство постепенно консолидировало свои позиции в Северокавказском регионе превращаясь не только в христианскую, но и в исламскую страну, каковой продолжает оставаться и в современное нам время.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Блейх Н.О. Исламский фактор в конфессиональной политике Российской империи XIX века / Н.О. Блейх // Политика и Общество. — 2017. — № 5. — С.19-26.
2. Блейх Н.О. Проблемы конфессионального образования мусульман Северного Кавказа (XIX век) / Н.О. Блейх // Педагогика и просвещение. — 2017. — № 2. — С. 67-74.
3. Вельяминов А.А. Правила для управления покорными горцами северных покатоств Кавказа / А.А. Вельяминов // Источник. — 2003. — № 5. — С. 17-18.
4. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2 / Н.Ф. Дубровин. — СПб, 1886. — 312 с.
5. Законы об управлении духовных дел магометан // В кн.: Свод законов. Т. 11. Ч. 1. — СПб, 1896. — 423 с.
6. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описание, статистика) / Составитель Д.Ю. Арапов. — М., 2001. — 562 с.
7. История российского государственного управления на Северном Кавказе в XVIII-XIX вв. — Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. — 342 с.
8. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. — Ф. 526 [Новосильцев Н.Н.] Оп. 1. — Д. 2. — Л. 1об.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. — Т. 31. — № 24307. — С. 278–280.
10. Приходько М.А. Управление делами иностранных исповеданий и государственная система в России в первой трети XIX века (историко-правовой аспект) / М.А. Приходько // Lex Russica. — 2012. — № 4. — С. 706.
11. РГИА (Российский государственный исторический архив). — Ф. 821 [Министерская система в Российской империи]. — Оп. 78. — Д. 610. — Л. 4-5.
12. РГИА. — Ф. 1268 [Кавказский комитет]. — Оп. 1. — Д. 545. — Лл. 5-16.
13. Статистика народонаселения Российской Федерации за 2023 г. // Статистический вестник. — № 2. — С. 16-21.
14. ЦГА РСО-А (Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания). — Ф. 290 [Управление начальника Владикавказского военного округа]. — Соч. 19. — Д. 2. — Л. 23-56.
15. Sorkin D. The Religious Enlightenment: Protestants, Jews and Catholics from London to Vienna. — Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2008. — 339 p.
16. Hammer M. Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan. — London, 1994. — R.512.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bleikh N.O. Islamskij faktor v konfessional'noj politike Rossijskoj imperii XIX veka [Islamic factor in the confessional policy of the Russian Empire of the XIX century] / N.O. Bleikh // Politika i Obshchestvo [Politics and Society]. — 2017. — No. 5. — P.19-26. [in Russian]
2. Bleikh N.O. Problemy konfessional'nogo obrazovaniya musul'man Severnogo Kavkaza (XIX vek) [Problems of confessional education of Muslims in the North Caucasus (XIX century)] / N.O. Bleikh // Pedagogika i prosveshchenie [Pedagogy and education]. — 2017. — No. 2. — P. 67-74. [in Russian]
3. Velyaminov A.A. Pravila dlya upravleniya pokornymi gorcami severnyh pokatostyah Kavkaza [Rules for managing the submissive highlanders of the northern slopes of the Caucasus] / A.A. Velyaminov // Istochnik [Source]. — 2003. — No. 5. — P. 17-18. [in Russian]
4. Dubrovin N.F. Istoriya vojny i vladychestva russkih na Kavkaze [History of war and domination of Russians in the Caucasus]. Vol. 2 / N.F. Dubrovin. — St. Petersburg, 1886. — 312 p. [in Russian]
5. Zakony ob upravlenii duhovnyh del magometan [Laws on the management of spiritual affairs of Mohammedans] // V kn.: Svod zakonov [In the book: Code of Laws]. Vol. 11. Part 1. — St. Petersburg, 1896. — 423 p. [in Russian]
6. Islam v Rossijskoj imperii (zakonodatel'nye akty, opisanie, statistika) [Islam in the Russian Empire (legislative acts, description, statistics)] / Compiled by D.Yu.Arapov. — M., 2001. — 562 p. [in Russian]
7. Istoriya rossijskogo gosudarstvennogo upravleniya na Severnom Kavkaze v XVIII-XIX vv [History of Russian state administration in the North Caucasus in the XVIII-XIX centuries]. — Rostov-on-Don: Publishing House of the SKNTs VSH, 2004. — 342 p. [in Russian]
8. Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki [Department of Manuscripts of the Russian National Library]. — F. 526 [Novosiltsev N.N.] — Inv. 1. — Case. 2. — L. 1v. [in Russian]
9. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. — Comp. 1st. — Vol. 31. — No. 24307. — P. 278–280. [in Russian]
10. Prikhodko M.A. Upravlenie delami inostrannyh ispovedanij i gosudarstvennaya sistema v Rossii v pervoj treti XIX veka (istoriko-pravovoj aspekt) [Management of Affairs of Foreign Confessions and the State System in Russia in the First Third of the 19th Century (Historical and Legal Aspect)] / M.A. Prikhodko // Lex Russica. — 2012. — No. 4. — P. 706. [in Russian]
11. RSHA (Russian State Historical Archive). — F. 821 Ministerskaya sistema v Rossijskoj imperii [Ministerial system in the Russian Empire]. — Inv. 78. — Case 610. — L. 4-5. [in Russian]
12. RSHA. — F. 1268 Kavkazskij komitet [Caucasian Committee]. — Inv. 1. — Case 545. — Ll. 5-16. [in Russian]
13. Statistika narodonaseleniya Rossijskoj Federacii za 2023 g. [Population statistics of the Russian Federation for 2023] // Statisticheskij vestnik [Statistical Bulletin]. — No. 2. — P. 16-21. [in Russian]
14. CSA RNO-A (Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania). — F. 290 Upravlenie nachal'nika Vladikavkazskogo voennogo okruga [Office of the head of the Vladikavkaz military district]. — Inv. 19. — Case 2. — L. 23-56. [in Russian]
15. Sorkin D. The Religious Enlightenment: Protestants, Jews and Catholics from London to Vienna. — Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2008. — 339 p.
16. Hammer M. Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan. — London, 1994. — R.512.